

Дмитрий Сухарев

БРОНЗА, МАРФА И ЧЕСНОК

Музыкальное действие
по мотивам рассказа А. П. Чехова
«СКРИПКА РОТШИЛЬДА»

ЛИЦА:

Яков Иванов по кличке **Бронза**, гробовщик, умеющий также на скрипке, 70 лет

Марфа, его жена, 70 лет

Ротшильд, флейтист из еврейского оркестра

Смерть, моложава и недурна собой

Дама, представитель общественности

Ять, представитель общественности

Максим Николаевич, фельдшер и представитель общественности

Шахкес Мойсей Ильич, работодатель по музыкальной части

Невеста, Жених, Шафер, общественность, музыканты еврейского оркестра

Действие происходит в малозначительном городке, жители которого умирают реже, чем некоторым хотелось бы.

ПРОЛОГ

ПЕСНЯ РОТШИЛЬДА:

Почему всё это так?
Чем я так влеку собак? —
Задаю вопрос себе и лично Богу.
Обнажают псы клыки
и сбиваются в полки,
стоит мне немножко выйти на дорогу.

Это гадко.
Но это загадка.

Я поеду, я пойду,
в поле флителэ найду,
дувану — и флейта козочкой заблеет.
Мне бы козочку пасти,
в песню розочку вплести,
только свора нас навряд ли пожалеет.

Вдоль забора
опять несётся свора.

Я кастрюли вам лужу,
сам сквозь дырочку гляжу,

я не жулик, не воришка, не барышник.
Почему средь бела дня
все плевки летят в меня?
Почему опять в меня летит булыжник?

Это гадко.
Но это загадка.

Старый ребе так умён,
Но не знает даже он,
Но не знает даже он такого слова,
Чтоб собаки навсегда
Покраснели от стыда,
Чтоб исчезла без следа людская злоба.

ДЕЙСТВИЕ 1

ЕВРЕЙСКИЙ ОРКЕСТР

Это свадьба, но поначалу виден только угол, выделенный музыкантам. Они рассаживаются и тут же начинают строить инструменты, которые, как у всех оркестров мира, звучат при этом громко и вразброд. Постепенно какофония тает, перерождаясь в нехитрый мотивчик, исполняемый музыкантами ладно и безоглядно. Бронза, который в своем русском платье выглядит белой вороной, явно не одобряет этой еврейской самодеятельности, он не садится на отведенное ему место и всем своим видом выражает протест. Не успел ещё сесть и Ротшильд, чьи беспорядочные телодвижения выдают человека неорганизованного, склонного к задумчивости.

ШАХКЕС (*стучит смычком, дабы прекратить внеплановую музыку*):

Если бы я Ротшильдом родился,
мне бы не болела голова,
мне бы наверное пригодился
миллиончик — или хотя бы два.

МУЗЫКАНТЫ:

Миллиончик — или хотя бы три!

ШАХКЕС:

Но пока что я-таки не Ротшильд,
и болит от мыслей голова:
где бы заработать лишний грошик,
лишний грошик — или хотя бы два.

ОРКЕСТР:

Лишний грошик — или хотя бы три!

ШАХКЕС (*зовёт Ротшильда занять место в оркестре*):

Руки в ноги, на уши галоши,
и пошла, пошла, пошла!
Бекицер, Ротшильд,
у нас дела.

Ротшильд и Бронза садятся рядышком.

БРОНЗА:

Не дыши на меня, чеснок! Житья нет от пархатых!
Ох, чеснок, чеснок, чеснок,
православных валит с ног!

Замахивается на Ротшильда, тот сжимается.

ШАХКЕС (обращается к гостям):

Полька!

Тут освещается вся целиком сцена свадьбы.

ПОЛЬКА

ГОСТИ:

Ах, невелик наш городок,
словно спичек коробок,
жизнь такая нудная,
но свадьба такая чудная!

Водочка-наливочка — просто ах!
Разносолы на столах!
Дамы чудно аппетитны
В чудно вздыбленных шелках!

ШАФЕР:

Господа, господа, господа! Да не шумите же, ради бога! (*оркестру*) Мойсей Ильич, ну немножечко потише! Господа!

Делом заниматься не устану,
так что — за работу, господа!
Долго вас задерживать не стану,
просто вам одну раскрою тайну.

ГОСТИ:

Слушайте внимательно, господа,
и не отрывайтесь от стола.

ШАФЕР:

Всеми вами зрима осетрина —
будьте осторожны, господа!
Вроде, осетрина — экстра, прима,
но она чертовски несварима.
Знаю в чём причина тОлько Я:
вся осетрина гОрькая!

Горькая!! Вот, извольте убедиться: эстружон а ля русс. Мной лично надкушено. Совершенно!
Горькая!! Осетрина!!!

ГОСТИ:

Горько!!! (*Молодые целуются.*)

ДАМА:

Хоть невелик наш городок,
словно спичек коробок.
свадьба такая людная...

ЯТЬ:

А вы — вы такая чудная!
Вы совершенство!

ДАМА:

 Это лезть:
Мне в шелках ни встать ни сесть.
Рыбку съесть или морсу выпить?

ЯТЬ:

Рыбку подать сочту за честь!

ДАМА:

Что-то я в шелку совсем взопрела,
снова захотелось рыбку съесть.

ЯТЬ:

Это так пользительно для тела!

ШАФЕР:

Что же, господа, пора за дело,
у меня для вас дурная весть.

ГОСТИ:

У него для нас дурная весть!

Гости притворно огорчены. Молодые изголавливаются целоваться.

ШАФЕР:

Вот вам, господа, вазон с икрою...

ГОСТИ:

Тише, господа: дурная весть!

ШАФЕР:

А теперь я вас, увы, расстрою,
а теперь я тайну вам раскрою,
знаю эту тайну только я:
вся икорка горькая!

ГОСТИ:

Горькая! Горько!! (*Молодые целуются.*)

Ах, невелик наш городок,
словно спичек коробок.

ДАМА:

Пища совсем не скудная!

ЯТЬ:

А вы — вы такая чудная!
Чудная, чудная, ах! ах! ах!
В чудно вздыбленных шелках!
Вы блондинка — я брюнет:
Сжальтесь, сжальтесь!

ДАМА:

Нет! Нет! Нет!

Полька на излёте, она замедляется — как бы переходом к следующему музыкальному эпизоду

ДАМА:

Если бы я только петь умела,
Я б не посмотрела, что народ, —
Я бы так пронзительно запела...

ЯТЬ:

Это так пользительно для тела...

ДАМА:

Потому что тело и поёт!

ЯТЬ:

Тело!
Именно что тело и поёт!

ШАФЕР (*приглашая всех к столу*):

Что же, господа. Пора за дело.

ПОТЕШЬ НАС, БРОНЗА!

ШАФЕР:

Не станцевать ли нам, друзья, кадрили?
Что скажут молодые о кадрили?

ЖЕНИХ :

Кадриль — восторг!

НЕВЕСТА:

Постой. Мне говорили,
что Бронза-гробовщик — большой мастак.

ЖЕНИХ:

Скрыпачничает он весьма искусно.

НЕВЕСТА:

Но он ещё и петь умеет так,
что с ним на свадьбе никому не скушно.
Потешь нас, Бронза!

ЖЕНИХ:

Бронза, соверши нам
раззтакое что-нибудь, прошу!

БРОНЗА:

А я везде со скрыпкой и с аршином
за что заплатят, то и совершу.

Выходит из оркестра к гостям — весь в центре внимания. Вопреки ожиданиям, поёт тоскливую и почему-то женскую песню.

ДО ЗАУТРЕНИ НЕ СПАЛА

Пошто мыши,
пошто мыши бегают?
Мыши бегают,

шебуршат, снуют,
поспала б да не...
 да не дают.
До заутрени не спала.

Пошто вода,
Вода с крыши потекла?
Ой, вода, вода,
ты теки, теки,
Яшеньку в солда...
 в солдатики.
До заутрени не спала.

Не спала, всё думала,
всё к нему просилася,
всё хлебами шла,
всё лесами шла,
высокО-высОко уносилася —
всё по не...
 по небу летала.
Всю-то ноченьку летала.

На реченьку
опускалася,
всё плескалася,
полоскалася,
всё-то с Яшенькой ласкалася.
До заутрени не спала.

По ходу песни часть гостей подтягивается к поющему, туда же тянет Ротшильда.

БРОНЗА (замечая его): Кыш, пархатый! Изыди!

Ротшильд возвращается на место. Бронза подбоченивается и готов оправдать ожидания.

КЛЁН ДА БЕРЁЗА

БРОНЗА:

Клён да берёза —
чем не дрова?
Модесту Евдокеюшка —
чем не жена?
 Плавная пава,
 Евдокея Павловна
 Модесту Аристарховичу —
 чем не жена?

Дырка в кафтане —
Яшкой назовут,
сто рублей в кармане —
в гости позовут:
 «Яков Матвеич,
 стерлядки отведать,
 с нами отобедать
 не сочтите за труд!»

Сотни в кармане

нет, не ищи.
Вместо стерлядки —
постные щи.
Яшка ты, Яшка,
малая букашка,
тренькай да бренькай
да тягло тащи!

Клёну с берёзой
постелю стелить,
а мне бы, тверёзому,
чарку налить!
Плавная пава,
Евдокея Павловна,
за наше величание —
как не налить!

Ему подносят, он степенно выпивает. Войдя в кураж, вдруг поднимает пикантную тему.

Всем господам,
кому дам адресок,
гроб сколочу
из отборных досок!

ДАМА:
Бронза, фи! Тут свадьба, а ты со своими гробами!

БРОНЗА:
А что, дело житейское. С каждым может случиться, почему не запастись адреском? Да его и так все знают, городок-то паршивый, хуже деревни.

Ох и паршивый
наш городок!
Всех бы аршином
вымерил впрок!
Плавную паву
Евдокею Палну
с Модестом Аристарховичем —
без очереди!

Достаёт складной аршин. Гости, возглавляемые женихом и невестой, хихикая, обслуживаются.

ОХ, РЕДКО ЛЮДИ МРУТ

(Даме, доверительно):

Кабы каждый день продавать гробы, так
собственный дом имел бы я за труд.
А лежат гробы, так
мне один убыток —
ох, редко,
редко люди мрут!

Подрабатываю вот с жидами в ихнем оркестре, если когда Мойсей Ильич позвать изволит. Так это ж каторжная работа: они чесноку нажрутся, и сиди, дыши.

Спасибо скрипочке, моей сударочке,

свою сударочку я так люблю.
С Шахкеса полтинник,
с гостя по подарку,
ох, трудно
набежать рублю.

(*Шёпотом*): Ведь я со скрипочкой в постели сплю.

Но этот Шахкес, недобиток,
то зовет меня, а то и нет.
Снова мне убыток,
снова мне убыток —
ох, нету
никаких монет.

БЕРЕГИСЬ, ЧЕСТНОЙ НАРОД

РОТШИЛЬД (*опасливо подходит к Бронзе*):
Дяденька...

БРОНЗА:
Отстань.

РОТШИЛЬД:
Дяденька...
Кланялись вам Мойсей Ильич,
кланялись вам Мойсей Ильич,
пойди, говорит, к Якову,
скажи, говорит, Якову,
что без них никак невозможно.

БРОНЗА:
Что ты лезешь ко мне, чеснок?
Нет житья от пархатых! Изыди.

РОТШИЛЬД:
Дяденька, Мойсей Ильич будут сердиться.

БРОНЗА:
Что ты лезешь ко мне, чеснок?

РОТШИЛЬД:
Но ви пожалуйста...

БРОНЗА:
Что ты лезешь ко мне, чеснок?

РОТШИЛЬД:
Но ви пожалуйста потише...

БРОНЗА:
Что ты лезешь ко мне, чеснок?

РОТШИЛЬД:
Но ви пожалуйста потише, а то я вам...

БРОНЗА:

Нет житья от пархатых!

Ох, чеснок, чеснок, чеснок,
православных валит с ног.
А мы врежем кулаком
и прикончим с чесноком!

Ротшильд пятится, прячется за спинами гостей, потом тихонько садится на своё место в оркестре. Сморкается. Гости весело, оркестранты уныло наблюдают за этой сценой.

ДАМА:
Красивая песня, Бронза, спой ещё!

ШАФЕР:
Мойсей Ильич, давайте, давайте, подыграйте ему, хорошая же песня!

Бронза пробирается на своё место в оркестре, садится рядом с Ротшильдом, демонстративно зажимая нос к удовольствию присутствующих.

БРОНЗА:
Берегись, честной народ —
чеснока невпроворот!
А мы врежем кулаком
и прикончим с чесноком!

Чего дрожит жид, жид?
Куда бежит жид, жид?
А мы врежем кулаком
и прикончим с чесноком!

Ох, чеснок, чеснок, чеснок,
православных валит с ног.
А противу кулака —
хрясть! — и нету чеснока!

Оркестранты подыгрывают. Гости танцуют. В музыке нарастает печаль, на сцене — мрак.

СЛЫШУ, СЛЫШУ Я

Марфа в избе одна. Но уже вскоре после начала её песни возникает еще один женский голос. Это Смерть, она пританцовывает, подпевая Марфе, которая, в отличие от нас, не замечает её присутствия.

МАРФА И СМЕРТЬ:
Слышу-слышу-слышу,
слышу ль я, да,
слышу, слышу я...

А я гостью заждалася,
войди, гостьюшка, скорей,
войди в Избу, не топчися,
клади кОсу у дверей.

Ты клади, клади у двери
свою острую косУ.
А я белую косынку
на дорогу припасла.

Слышу-слышу-слышу,
слышу ль я, да,
слышу, слышу я...

Давно б руки наложила,
наложила б на себя, —
перед Господом неловко:
Господь смотрит на меня.

Господь с облачка следит, ой,
укоризненно глядит.
Потерпи, грит, ждаться недолго —
твоя смерть сама придёт.

Слышу-слышу-слышу,
слышу ль я, да,
слышу, слышу я...

Твоя смерть сама придёт, грит,
твоя смерть тебя найдёт.
А я гостью заждалася —
моя гостья не идёт.

Слышу лёгкие шажочки,
пришла смертушка за мной.
Войди, гостья, войди, радость,
я пойду, пойду с тобой.

Слышу-слышу-слышу,
слышу ль я, да,
слышу, слышу я...

Но, скорее всего, шаги принадлежали Бронзе. Он навеселе, распевает удалую песню — похабный вариант той величальной, которую пел молодожёнам. Смерть, не замечаемая и Бронзой, присела у Марфы в ногах.

НИ СИСЕК, НИ ЗАДА

БРОНЗА:

Клён да берёза —
чем не дрова?
Модесту Евдокеюшка —
чем не жена?
Тощая лада,
ни сисек, ни зада,
харя бородавчатая —
чем не жена?

Марфа, добытчик пришёл, полтинник принёс — ставь самовар!

МАРФА (*садится*): Яков, я умираю.

Опять ложится. Бронза весь в эйфории свободного творчества.

БРОНЗА:

Ой, бородавка

да в рыжем пуху —
мясу прибавка
на радость жениху!
Пошло обниманье —
юбок подниманье,
сама вертит вертлюгами,
сам — наверху!

Марфа, Марфа, что развалилась будто барыня — или в доме работы нет? Печь истопила? Дров нарубила? Воды наносила?

Ой, обниманье —
юбок подниманье!
Ой, целованье —
промеж ног сованье!
Оййййй!

МАРФА:
Яков, я умираю.

БРОНЗА (*не замечая ее радостного лица*):
«Умираю, умираю». Не бойсь, не умрешь.

Нутка, Марфутка,
дело не шутка,
муж принёс полтинничек —
ставь самовар!

ВСПОМНИ, ЯКОВ

МАРФА:
Вспомни, Яков,
вспомни, вспомни, Яков,
наши прежние чаи...

БРОНЗА (*щёлкает костяшками на счётах*):
И без чаю хороша, пей себе кипяток. А чай, он денег стоит.

МАРФА:
Вспомни, Яков,
вспомни, вспомни, Яков,
наши прежние чаи —

крутенечко заваривали,
сладенечко закусывали...
Помнишь, Яша, ты конфетку принёс...

БРОНЗА (*продолжая считать, припевает на прежний мотив*):
Клён да берёза —
чем не дрова?
Якову Марфа —
чем не жена?

А у ней горячка,
в мозгах раскорячка,
вовсе баба спятила —
чем не жена?

(Швыряет счёты на пол.) И как не спянуть от таких убытков! Кругом одни убытки! Одни убытки!

ГРОБ С ГЛАЗЕТОМ

Кабы каждый день продавать гробы, так
собственный дом имел бы я за труд.
А лежат гробы, так
мне один убыток —
ох, редко,
редко люди мрут!

Вот полицейский надзиратель
чахнул, чахнул года три
выдумал лечиться,
выехал в столицу,
а сам возьми
да там умри.

А ему положен гроб с глазетом,
никак не меньше, чем с глазетом гроб.
Значит, мне на этом,
значит, мне на этом,
такой убыток,
что хоть пулю в лоб.

Спасибо скрыпочке, моей сударочке,
свою сударочку я так люблю.
С Шахкеса полтинник,
с гостя по подарку,
ох, трудно
набежать рублю.

Но этот Шахкес, недобиток,
то зовёт меня, а то и нет.
Снова мне убыток,
снова мне убыток —
ох, нету
никаких монет.

Марфа, ты чего, вправду захворала? За фельдшером, что ли, сходить...

ИНТЕРМЕДИЯ: НЕВЕЛИК НАШ ГОРОДОК

Участники этой и следующих интермедий — Дама со свитой, которых видели в сцене свадьбы.

Ах, невелик наш городок,
словно спичек коробок,
но сулит большие нам пожары
грекоперсиянский гороскоп.

Сердце, господа, оно не птичка,
сердце не чирикнет, не вспорхнёт.
Сердце — очарованная спичка,
спичка, господа, свое возьмёт:
чирнет и пожаром полыхнёт.

Спичке душно в коробке,
сердцу душно в городке,
но сулит свободу гороскоп на
грекоперсиянском языке.

ПУЛЬСА НЕТ

Марфа лежит в постели. Входят Бронза и Максим Николаевич, фельдшер.

БРОНЗА:

Вот, извольте: приболел
мой предмет.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Нос, и точно, побелел.
Пульса нет.

БРОНЗА:

Спутник жизни, так сказать.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Сколько лет?

БРОНЗА:

Семь десятков, как отдать.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Пульса нет.

Покраснение, посинение,
пульса нету, голос тих.
У старушки без сомненья
то ли в печени каменья,
то ли грыжа, то ли тиф.

Кабы зуд, то дело просто...

БРОНЗА:

Зуда нету.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Не мешай.
Кабы зуд, то дело просто:
где чесотка, там короста,
по-научному — лишай.

БРОНЗА:

Николаич!..

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Не мешай.

Ледяное полотенце
Помогает ждать конца.
Это, точно, инфлуенца.

БРОНЗА:

Николаич!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Инфлуенца.

БРОНЗА:

Николаич!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Инфлуенца,

БРОНЗА:

И-фли-что?

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Ин-флу-ен-ца!

Помирать пришла пора.

БРОНЗА:

Дай совет!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Не дотянет до утра —
пульса нет.

БРОНЗА:

Прямо сразу и пора!
Дай совет!

ВМЕСТЕ:

Не дотянет до утра —
пульса нет.

БРОНЗА:

Извините нас за наши
за пустяшные дела,
беспокоим пустяками...

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Вот пакетик с порошками.
Что ж, старушка пожила.
Пожила своё, старушка?

БРОНЗА:

Извините.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Пожила.

МАРФА:

А зачем оно, житьё,
коли каждый день битьё.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

И на этом, мон амур,

до свиданьица, бонжур.

ПОСТАВИТЬ БЫ ПЬЯВИЦ

БРОНЗА (*удерживает фельдшера в дверях*):

За вашу приятность большое спасибо,
что сразу же вникли в старухину хворь,
но даже букашка, тем более рыба,
подохнуть не хочет...

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Любезный, не спорь.

БРОНЗА:

Поставить бы бабке пиявиц иль банки,
и с кровью бы вышла простудная хворь...

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Какие тут банки — да тут вместо бабки
сплошные останки! Любезный, уволь.

БРОНЗА:

Поставить бы банки...

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

У бабки горячка!

БРОНЗА:

И сразу бы вышла...

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Тем — более корь!
Да тут вместо бабки сплошная болячка!

БРОНЗА:

Поставить бы банки!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Конец перебранке!

БРОНЗА:

Поставить бы банки!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Любезный, не спорь!

(*Показывает, кантиленно поясняет.*)

Будешь брать вот эту мазь на палец
и так вот смазывать покойной лик.

БРОНЗА:

Прошу чувствительно: поставьте пиявиц!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

...и так вот смазывать покойной лик.

Будешь брать вот эту мазь на палец...

БРОНЗА:

Я знаю — пьвица оттянет хворь!
Прошу чувствительно: поставьте пьвиц!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

От этой дикости меня уволь!

Ты что же, думаешь: вопьётся пьвица
и пульс появится?

БРОНЗА:

Оттянет хворь!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

И пульс появится? Румянец явится?
От этой дикости меня уволь!

Она, любезнейший, вот-вот преставится,
а пь...

БРОНЗА:

А пьвица оттянет хворь!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

И мне не надобны советы пьвиц!
Нет, нет, любезнейший!

БРОНЗА:

Поставьте пьвиц!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Нет, нет, любезнейший!

БРОНЗА:

Поставьте пьвиц!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Нет, нет, любезнейший! Меня уволь!
Меня уволь!
Меня уволь!

(Уходит.)

БРОНЗА:

Ироды! Насажали вас тут, артистов!

Богатым — банки,
а для бедной бабки
пиявицу поставить пожалел!
Да чтоб ты, ирод, вовсе околел!

(Скушно смотрит на Марфу, размышляя.)

ПРАЗДНИКИ

Завтра — праздник,
послезавтра — праздник,

не напрасно говорят: жена мужа дразнит.

Назавтра Иоанна Богослова,
в такой великий день работать грех.

Потом у нас Никола — праздник снова,
в Николин день работать вовсе грех.

Воскресный день аж сразу за Николой.
Выходит, что опять работать грех.

Похмельник-понедельник — день тяжёлый,
опять нельзя работать — смех и грех.

Подряд четыре дня стоит работа!
А мрёте вы — когда кому охота,
а Бронза — угоди на всех.

Выходит, надо нынче. Другого и времени нет.

Ставит Марфу в полный рост и снимает с нее мерку. Потом Марфа ложится, а он, перекрестившись, начинает готовить гроб.

УМЕРЛА ДЕВОЧКА

МАРФА:

Вспомни, Яша,
вспомни, вспомни, Яша,
нашу прежнюю любовь —
по бережку погуливали,
под вербою посиживали,
на мало дитятко поглядывали
пушок золотенький поглаживали...

БРОНЗА:

Совсем старуха спятила. Дитятко какое-то придумала... Какое такое дитяко? Это тебе мерещится.

МАРФА:

Умерла девочка...

Вспомни, Яша,
вспомни, вспомни, Яша,
как верба весело цвела —
то пискнет лёгкой пташечкой,
то глянет ясным солнышком,
то нашей песне вдруг откликнется...

Пушок золотенький поглаживали...
Помнишь, Яков?

Скоро, скоро
к Божьему порогу
на карачках приползу.
А там и моя девочка,
а там и моя вербочка.
Здравствуй, светлая головушка!
Дай поглажу твой золотенький пушок.

БРОНЗА:

Ну вот. Хорошая работа. Так и запишем: Марфе Ивановой гроб — два рубля сорок копеек.

ДЕЙСТВИЕ 2

Берег реки. Яков-Бронза сидит под старой ветлой. Он похоронил Марфу, и ноги привели его на знакомое место.

Мимо движется общественность, возглавляемая Дамой.

ИНТЕРМЕДИЯ: ПОЛК И УНИВЕРСИТЕТ

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ:

Господа, пора проснуться!
Господа, сожжём мосты!
Надо разом разогнуться,
оглянуться, ужаснуться
бездуховной атмосфере,
атмосфере духоты.

В Москве балет,
уже много лет,
а у нас балета нет.
Нам потребны для прогресса
независимая пресса,
полк и университет.

Мы глядим не дальше носа,
и проходят мимо нас
достижения гипноза,
и поэзия, и проза,
Аристотель и Спиноза,
электричество и газ.

Ни танцев нет
ни науки нет,
кавалеров вовсе нет.
Нам потребны для прогресса
независимая пресса,
полк и университет.

Но унылый вой метели
в нас огня не загасил.
Мы воспрянем из постели
для сплочения на деле
всех интелли-,
всех интелли-,
всех интеллигентских сил.

Гипноз и газ
будут здесь у нас —
это наш гражданский долг.
Лишь бы только для прогресса
и другого интереса
прибыл к нам гвардейский полк.

Общественность исчезает, Бронза один.

А ОТ ЖИЗНИ ТОЛЬКО ВРЕД

БРОНЗА:

Вот и вся история. Вот и вся история.
Покадили, попсалтырили, сэкономили пятак.
И нести до кладбища ничего не стоило,
и соседи яму вырыли не за деньги, а за так.

Всё путём как водится, всё пристойно, вроде бы,
и покойницу уважили, и не наняли дьячка.
Отпевали нищенки, голосил юродивый,
вся история не стоила ни рубля, ни пяточка.

Захмелел — плати,
заболел — плати,
хвори одолеешь — и опять плати.
Околеешь — нЕтути доходов
и расходов не-ту-тИ.

Хорошо ли, плохо ли, век вдвоём отгрохали,
а теперича, как давеча, кулаками не маши.
Не вернётся старая со своими охами,
окромя смычка и скрыпочки не осталось ни души.

Как ни щёлкай счётами, а итог итожится:
никакой от жизни выгоды, никакой отрады нет.
Щёлканет костяшечка и к другим приложится,
и убытком преумножится этот самый белый свет.

А на тот бы свет —
и убытков нет,
нЕтути заботы,
отдыхай сто лет.
Знать, от смерти только польза,
а от жизни только вред.

Захмелел — плати,
заболел — плати,
хвори одолеешь — и опять плати.
Околеешь — нЕтути доходов
и расходов не-ту-тИ.

Слышна песенка. Это поёт Смерть, пришедшая навестить Якова. Она, как и в других сценах, видна нам, но не нашим персонажам.

ВЕРБА, ВЕРБА

СМЕРТЬ:

Лучшая подружка —
хлебная краюшка
пошла в гости поутру.
На лесной дорожке
растеряла крошки,
их в ладошку соберу.

Крошка да крошка,

полная ладошка,
любит крошки воробей Федул.
Верба, верба,
заслони от ветра,
чтоб с ладошки их не сдул.

БРОНЗА (*вслушиваясь в песенку*):

Была, была девочка.

И дерево то самое.

Здесь и пели. Что пели-то?

(Пытается петь, Смерть деликатно подсказывает. Поют попеременно.)

БРОНЗА и **СМЕРТЬ**:

Как по нашей реченьке
как по нашей реченьке
не помню...

Как по реченьке, по речке
не могу вспомнить
аааааа
молви мне заветные
молви мне заветные словечки...

И тут снова на сцене появляется общественность, которая не на шутку возбуждена обсуждаемыми проблемами.

ИНТЕРМЕДИЯ: КАДРИЛЬ

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ:

Хоть и мал, хоть и мал, невелик наш городок,
но шагаем со столицей рядом.
Даже спи-, даже спи-, даже спичек коробок
на столе передвигаем взглядом.

Страшное дело — такие калачи!
Страшное дело — научные лучи!

Всюду мат-, всюду мат-, всюду матушки-кумы,
ясновидицы с астральными очами,
всюду мы, всюду мыслящие люди, всюду мы —
всюду мысли излучаются лучами.

Страшное дело — Россию не понять!
Страшное дело — особенная статья!

А надысь, а надысь, а надысь незнамо кто,
а надысь инкогнито спит на парте!
Шум и звон! Это кто? Оказалось, это он —
Это сам Наполеон Бонапарте! (Призрак!)

Страшное дело — такие пироги!
Страшное дело — кругом одни враги!

А коза, а коза, заурядная коза,
та, что блеет у погоста городского,
оказа-, оказа-, оказалась не коза,
а козёл, козёл из гороскопа!

Страшное дело — Россию не понять!
Страшное дело — особенная статья!

А у Ра-, а у Ра-, а у Ракова Петра,
у того, чьи хутора за рекою,
вдруг вчера на башке засияла аурА —
ну прямо Аура сияет над башкою!

Страшное дело — астральные дела!
Страшное дело — в чём мама родила!

Говорят, веревя постоянного двора
навевает эту самую аУру —
если кто с верей обнимается с утра,
заряжает астралом шевелюру.

Страшное дело — Россию не понять!
Страшное дело — особенная статья!

Общественность энергетично покидает сцену. Бронза опять один, если не считать обнимающую его Смерть.

БРОНЗА:

Была, была девочка. Правду покойница говорила!

ГОЛОВА САДОВАЯ

И ветла цвела, и любовь была —
день лазурный, ночь медовая.
Ой, тетеря неразумный,
голова садовая!

А над реченькой плыло облачко,
а по речке плыли барочки.
Ой, какие были разговоры
тары-бары-барочки.

Он поёт, а верба чудесно покрывается нежнозелёной листвой, и являются Якову голоса.

ПЕСНИ ПЕТЬ, ПЕТЬ, ПЕТЬ

СМЕРТЬ:

Весной на проталинке,
на зелёной травушке,
на горячем солнышке
верба весела.
Шумят, шумят скворушки,
гомонят воробушки,
молят кинареички:
подари дупла!

Песни петь, петь, петь,
гнезда вить, вить, вить,
к лету красному поспеть
малых деток выводить.
Над рекой, верба, стой,
пусти пташек на постой.

Появляется Марфа, она молода, красива. Марфе вторит хор, так что песня звучит всё шире и мощнее.

МАРФА, СМЕРТЬ, ХОР:

Как по нашей реченьке,
как по реченьке, по речке
плывёт с музыкой баркас.
Молви мне заветные,
мне заветные словечки
ещё разик, ещё раз.

Дудка, дуй, дуй, дуй,
скрипка, пой, пой, пой,
что меня ли, молодую,
любит милый мой.
Ты люби меня, мой свет,
ничего любезней нет.

Голова с вина
закружилась,
песня с песнею
подружилась.
Ой, сосед, сосед,
я тебе спою,
я тебе спою,
а ты мне свою.

Как у каждой сосенки,
как у сосен, у сосёнок
народилось опят.
У кого всего один,
у кого один опёнок,
те до зореньки не спят.

На своё на дитяtko,
на младенца ненаглядного
наглядеться мочи нет.
То младенчик девочка,
то он ангел, то он ягодка,
а то вешний вербин цвет.

Скрипка, пой, пой, пой,
бубен, бей, бей, бей,
бас, басы, басы, басы,
а флейта — леечкою лей.
Туча, свет не гаси,
нашу радость пожалей.

Ты, сосед, сосед,
приходи к нам на беседу,
на запечную,
на сердечную,
нальём старочку,
выпьём чарочку.

Голова с вина
закружилась,
песня с песнею
подружилась.
Ой, сосед, сосед,
я тебе спою,
я тебе спою,
а ты мне свою.

Видение исчезает, с Бронзой остаётся только Смерть, которая по-прежнему жмётся-ластится к нему.

ГОЛОВА САДОВАЯ

БРОНЗА:

И ветла цвела, и любовь была,
день лазурный, ночь медовая.
Ой, тетеря неразумный,
голова садовая!

А над реченькой плыло облачко,
а по речке плыли барочки.
Ой, какие были разговоры
тары-бары-барочки.

А из рощи — чисто чудо —
соловейка дробью-трелью бил.
Это кто же, кто такой иуда,
нашу рощу вы-ру-бил?

И ветла цвела, и любовь была,
а теперя дело вдовое.
Ой, тетеря, — так и есть, тетеря,
голова садовая!

Но оказывается, что Бронза не один: у него есть внимательный слушатель. Это незаметно подошедший Ротшильд, который не только слушает, но и тцится подпеть. Кроме всегдашней неприязни к Ротшильду, Бронза зол на себя за то, что подставился чужим ушам.

БРОНЗА:
Изыди!

РОТШИЛЬД:
Дяденька... Мойсей Ильич опять за вами послали.

Кланялись вам Мойсей Ильич,
кланялись вам Мойсей Ильич,
пойди, говорит, к Якову,
скажи, говорит, Якову,

что без них никак невозможно.

БРОНЗА:

Что ты лезешь ко мне, чеснок?
Нет житья от пархатых! Изыди.

РОТШИЛЬД:

Дяденька, Мойсей Ильич будут сердиться.

В среду будет большая свадьба,
господин Шаповалов выдаёт свою дочку.
Пойди, говорит, к Якову,
скажи, говорит, Якову,
что без них никак невозможно.

БРОНЗА:

Что ты лезешь ко мне, чеснок?

РОТШИЛЬД:

Но ви пожалуйста...

БРОНЗА:

Что ты лезешь ко мне, чеснок?

РОТШИЛЬД:

Но ви пожалуйста потише...

БРОНЗА:

Что ты лезешь ко мне, чеснок?

РОТШИЛЬД:

Но ви пожалуйста потише, а то я вам...

БРОНЗА:

Нет житья от пархатых!

Кулаками прогоняет Ротшильда, тот убегает, слышно, как в дело включились уличные собаки. Сцену вновь пересекают Дама и ее свита, в составе которой виден фельдшер Максим Николаевич. Бронза удерживает его.

БРОНЗА:

Максим Николаевич, извольте на минутку.

ПУЛЬСА НЕТ НИ У КОГО

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Но кругом полно народу.

БРОНЗА:

Николаич, ты же знаешь:
у меня здоровье сроду...

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Но кругом полно народу.

БРОНЗА:

Ты же знаешь: я же сроду не хворал.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:
Но кругом полно народу.

БРОНЗА:
Ты же знаешь: я же сроду не хворал.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:
Но пойми же, что кругом полно народу.

БРОНЗА:
Ты же знаешь: я же сроду не хворал.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:
Но пойми же ради бога что кругом полно народу.

(Пауза, Максим Николаевич щупает пульс.)

БРОНЗА:
Понимаешь, приболел.
Дай совет.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:
Нос, и точно, побелел.
Пульса нет.

БРОНЗА:
Николаич, что со мной?
Дай ответ!

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:
Дело ясно: ты больной:
пульса нет.

Поделюсь одним секретом:
пульса нет ни у кого.
Но больного медицина
отличает по приметам
и при этом отмечает:
белый свет — не для него.

ВМЕСТЕ:
Но больного медицина
отличает по приметам
и при этом отмечает:
белый свет — не для него.

БРОНЗА:
Для кого же белый свет?

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:
Пульса нет.

БРОНЗА:
Николаич, что со мной?

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Ты больной.
По ночам наверно бред?

БРОНЗА:

Бреда нет.
Николаич, что со мной?

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Ты больной.

Покрасненье, посиненье,
пульса нету, голос тих.
У тебя, брат, без сомненья
то ли в печени камня,
то ли грыжа, то ли тиф.

Кабы зуд, то дело просто...

БРОНЗА:

Зуда нету.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Не мешай.
Кабы зуд, то дело просто:
где чесотка, там короста,
по-научному — лишай.

БРОНЗА:

Николаич!..

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Не мешай.
Беспокоишь пустяками.
Вот пакетик с порошками.
Но пора, пора, любезнейший,
на тот пора уж свет!
Деток много?

БРОНЗА:

Деток нет.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

Не расслышал: много ль деток?

БРОНЗА:

Понимаешь — деток нет.

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ:

И на этом, мон амур,
до свиданьица, бонжур.

ИНТЕРМЕДИЯ: РОМАНС ДАМЫ

(Она солирует, общественность с чувством подхватывает припев):

Говорят, в Москве на Разгуляе

подают такие расстегаи,
что просто сам в уста
влетает с блюда кус,
такой, друзья, у расстегая вкус.

И говорят, в Москве на Разгуляе
продают такие размахаи,
что я махну, махну мехами,
махну мехами, рапахну полу —
и вы, друзья, простёрты на полу.

Разгони, Разгуляй,
в тесном сердце тоску!
В Москву! В Москву! В Москву!

Говорят, в Москве на Разгуляе
по вечерам гуляют разгильдяи.
Ах, разгильдяй, ты негодяй,
пока не смоторишь на меня
и не горишь от моего огня!

Но я явлюсь и я возникну рядом,
я разгильдяя обожгу астральным взглядом,
и дивный он сквозь дивный сон
меня легонько щекотнёт усом,
и в унисон исторгнем дивный стон.

Разгони, Разгуляй,
в тесном сердце тоску!
В Москву! В Москву! В Москву!

Говорят, Москва слезам не верит,
но сердцу русскому Москва — заветный берег,
слова призывные Москвы
для нас и внятны и остры,
а звуки прочие для нас мертвы.

О, звуки, звуки — звуки Разгуляя!
Они доносятся, сердца нам растравляя, —
любовный стон, церковный звон
и неустанный ресторанный гул,
где свой пожар опять раздул разгул.

Разгони, Разгуляй,
в тесном сердце тоску!
В Москву! В Москву! В Москву!

СМЕРТЬ БРОНЗЫ

*Бронза в своей избе, сидя на постели, задумчиво напевает. Немного подыгрывает на скрипке.
Смерть, стоя в уголочке, тихонько вторит — не Бронзе даже, скорее, скрипке.*

Пошто вода,
Вода с крыши потекла?
Ой, вода, вода,
ты теки, теки,

А над реченькой плыло облачко,
а по речке плыли барочки.
Ой, какие
были разговоры —
тары-бары-барочки.

А любовь была,
а любовь была
и ветла цвела над рекой.

Попробуй.

Снова у Ротшильда не очень-то получается. Бронза отнимает у него скрипку и показывает, как надо играть. Это та еврейская песенка, которую завели оркестранты в самом начале представления. Ротшильд достаёт из-за пазухи свою флейту и лихо перехватывает мелодию. Два музыканта, устроив небольшое состязание, играют «то вместе, то поврозь, а то попеременно». Бронза удовлетворён. Устало ложится, вытягивается. Затихает. Смерть сидит у него в ногах.

ПОЧЕМУ ВСЁ ЭТО ТАК?

РОТШИЛЬД:

Почему всё это так?
Чем я так влеку собак? —
Задаю вопрос себе и лично Богу.
Обнажают псы клыки
и сбиваются в полки,
стоит мне немножко выйти на дорогу.

Это гадко.
Но это загадка.
Таки загадка.

Я поеду, я пойду,
в поле флителэ найду,
дувану — и флейта козочкой заблеет.
Мне бы козочку пасти,
в песню розочку вплести,
только свора нас навряд ли пожалеет.

Вдоль забора
опять несётся свора,
так-таки свора.

Я кастрюли вам лужу,
сам сквозь дырочку гляжу,
я не жулик, не воришка, не барышник.
Почему средь бела дня
все плевки летят в меня?
Почему опять в меня летит булыжник?

Это гадко.
Но это загадка.
Таки загадка.

Старый ребе так умён,
Но не знает даже он,
Но не знает даже он такого слова,
Чтоб собаки навсегда
Покраснели от стыда,
Чтоб исчезла без следа людская злоба.

Но нет в мире злобы, исчезла навсегда. Изба наполняется голосами, и особенно внятн в общем хоре голос молодой Марфы.

ХОР:

Как от нашей пристани
до ненашей пристани,
до заречной, вечной пристани
плывёт с музыкой баркас.

Ты, сердечко, выстони,
напоследок выстони,
напоследок песню выстони
ещё разик, ещё раз.

Скрипка, пой, пой, пой,
бубен, бей, бей, бей,
барабан, лупи, лупи,
флейта, леечкою лей, —
всякий всякого люби,
всякий всякого жалеи.

По мере того, как ширится и растёт песня, становятся видны певцы — у них на поднятых руках покоится то ли гроб — один из тех, что свалены кучей в углу избы, то ли баркас, уносящий Якова в последний путь. Тут и Ротшильд мечется по избе, старается подпеть. И хотя у него получается несколько по-своему, он в конечном счёте замечательно встраивается в общий хор. Тут и Смерть, которая без дела ластится к Ротшильду. Всем вместе им так хорошо поётся.

Скрипка, пой, пой, пой,
бубен, бей, бей, бей,
барабан, лупи, лупи,
флейта, леечкою лей, —
всякий всякого люби,
всякий всякого жалеи!